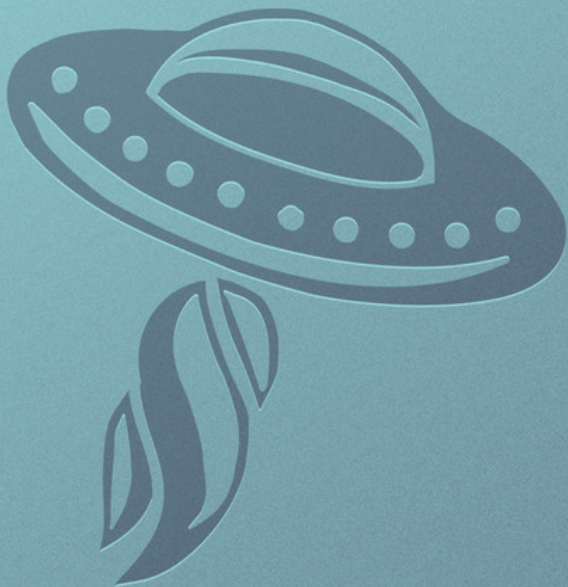

Дмитрий Володихин

Милая

Дмитрий Михайлович Володихин
Милая
Серия «Мир Лабиринта», книга 3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131333

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Дмитрий Володихин

Милая

* * *

2108 год

Борт экстрим-корвета «Мармелад»

Мисс Ди, 24 года

Среди всех самцов, которых когда-либо видела бескомпромиссная анархистка Диана Шевчук, кэп Раскин оказался наиболее соблазнительным. Главным образом, по двум причинам: во-первых, он обладал чудесным голосом, низким, глубоким и хрипловатым. Если бы Диана была полной душой, она бы назвала этот голос героическим. Во-вторых, Раскин не обращал на нее ни малейшего внимания.

Это было свежо и чертовски необычно.

Русская Венера, откуда она предательски сбежала, слыла миром нищим на все, кроме наркотиков и оружия. Люди там жили в страшной скученности, за убийство по закону взымали штраф в 10 минимальных окладов госслужащего, кровную месть разрешили еще в первый год республики, а гербом служил двуглавый орел: голова Бакунина плюс голова Маркузе.

На протяжении двадцати двух лет такая жизнь Диану полностью устраивала, кроме, разумеется, местных самцов, которых порошок и травка лишали того единственного, на что относительно годен самец. Просто она не знала другой жизни...

В двадцать три ей повстречалась Милли МакГрегор, второй пилот с нью-скотлендского лайнера. Одного вечера в портовом баре хватило, чтобы Диана и Милли сделались лучшими подругами. «Девочка моя, – говорила ей Милли – есть места, где можно жить себе в удовольствие. Я не говорю о такой ерунде, как дом на поверхности землеподобной планеты; пища, которую вырастили на огороде или, скажем, выдоили из настоящего живого вымени, а не то синтетическое дерьмо, которым ты меня сегодня угощала; личная амфибия... Ты не знаешь, что такое амфибия? О! Да вы тут все не знаете... вам оно и ни к чему при таком-то житье. Так вот, Ди, дороже всего стоит свобода. Она дает тебе возможность выбирать ту биографию, которая больше нравится... а не ту, которая досталась на распродаже трижды уцененных товаров. Просто нужно иметь немного денег. Поверь мне, не столь фантастическую сумму, как может показаться издали...» Милли стала ее учительницей во всем, что есть важного в жизни. Умелой и страстной учительницей. Ничего лучшего Диана в этом мире не знала, не видела, не чувствовала...

– Жак, доложи обстановку!

Голос Раскина в один миг рассеял дымку воспоминаний. Где-то далеко от капитанской рубки, за вакуум-створом абордажного шлюза, дюжина головорезов прочесывала «Вольный Гений» – главную космическую базу астрофизиков Русской Венеры. Оттуда Раскину ответили:

– Босс, никакого сопротивления. Только один торчок спросил Мака, какого ляда он ходит в тяжелом скафе, ну, Мак ему и навернул.

– Где вы сейчас?

– Жилой отсек, босс.

– Живее, ребятки, вы что, плохо позавтракали? Живее!

– Да мы чо, босс, мы поторапливаемся, да.

Диана обратилась к главарю пиратов:

– Мистер, Раскин, простите, есть одно важное обстоятельство... Мало захватить ящик и принести его сюда, надо еще привести сюда мастер-оператора... живым.

– Зачем он нам, Ди? Ты же сама – оператор. А?

– У каждой машины индивидуальный ключ...

– Вроде пароля?

– Да. И только оператор его знает или большое начальство в Гильдии мастер-операторов...

Тут в капитанской рубке раздался недовольный голос Жака:

– Босс, два придурка затеяли пальбу... ну рожна ли им надо было? Тихо же мы работали, не резали никого, не жгли, цивилично так...

– Не отвлекайся.

– Да, босс. Эти козлы прикончили Зака, правда, Зак прикончил одного из этих козлов.

– А второй? Надеюсь, вы позаботились о нем?

– Да, босс. То есть, не совсем, босс.

– Что ты мелешь, дубина!

– Мак подранил второго козла, босс. И второй козел куда-то удрал, наверное, помирать от потери крови, босс. Не иначе.

– Нет времени разбираться. Ящик – сюда, живо! Шевелите ходулями!

– Да вот он, босс, Мак его уже нашел.

– И вот еще что... Там должен быть один шпак, оператор... – Раскин повернулся к Диане, – Как его отличить?

– У него вот такой значок, – ответила она, показав на медальон Гильдии.

– Короче, Жак, у него на шее цацка: алая звезда на зеленом фоне. Этого шпака – ко мне. Живым.

– Босс... а какая звезда? Может, пятиконечная?

– Верно. Откуда ты знаешь, придурок?

– Не хочу вас огорчать босс, но с такой как раз штукой был первый козел, которого пристрелил Зак.

Тут капитана вызвали из штурманской рубки. Диана с содроганием услышала, что проклятые научники все-таки ухитрились подать сигнал тревоги.

– Жак!

– Да, босс.

– Ноги в руки и сюда бего-ом! Отчаливаем.

– Да мы, босс, мы... скачем... как жеребцы... босс... изо всех сил...

– Смотрите, не стукните машинку, она стоит примерно как вы все помножить на десять.

– Да уж мы осторожно, босс...

Раскин вновь обратился к Диане:

– Что-то ты поздновато шепнула мне об операторе. Мы не сорвем все дело по твоей милости?

Она испугалась. Кэп не сказал ничего страшного, ничего угрожающего, но Диану пробрало легким морозцем. У Раскина был собственный форт на холодной маленькой планете Эльдорадо. Она прожила там пять суток, пока лохань Раскина не отправилась на охоту за «Вольным Гением». Обстановка в пиратской берлоге оказалась не намного комфортнее постылой жилой кубатуры на проржавелой орбитальной станции, вот уже сорок лет плававшей вокруг Венеры. Диана очень хорошо поняла: этот велосипед не падает, пока едет. Если Раскину изменит удача, то на воду, воздух, пищу и множество маленьких мелочей, без которых и жизнь не в жизнь, денег уже не будет. Все держится на ниточке и может быть потеряно из-за пары неудачных рейсов. А этот человек скорее перережет глотку десятку таких, как она, чем выпустит из когтей свое драгоценное хозяйство.

«Боже, не дай мне пропасть! Не дай мне ошибиться! Я

всего лишь маленькая девочка, и мне надо самую малость на приличную жизнь...»

– Это немного осложняет задачу, но я справлюсь.

Кэп Раскин не стал тратить слова угрозы, он просто взглянул на нее *внимательно*.

– Вы можете быть уверены, мистер Раскин.

– Отлично.

В конце концов, она должна справиться. Она умеет. Она может. Не зря ведь натаскивали в течение трех лет. Все получится. Скорее всего...

И еще: присутствие Раскина заставляло трепетать ее... и ее желания. Кто бы мог подумать, что иногда *это* разгорается под влиянием страха!

Капитана опять вызвали из штурманской рубки. Легкий крейсер «Мария Спиридонова», чудо имперских лунных верфей, стремительно приближался к месту абордажной операции.

– Жак! Ты где?

– Все, босс. Мы в шлюзовой камере. С ящиком.

– Так. Штурманской рубке: старина Бо, задраиваемся и валим! Как ангелы с вечеринки сатанистов!

Корабль вздрогнул. Какие аттракционы крутились тут дальше, Диана помнила плохо, поскольку в течение получаса тошнота скручивала ее и выворачивала наизнанку с уверенной последовательностью серийного маньяка-убийцы.

Сознание с жалобным поскрипыванием вворачивалось в нарезку.

Над ней склонилась какая-то неопрятная образина. Или, вернее, склонился, потому что образина была бородатый.

– Пей.

– Что это? – рефлекторно отстранилась Диана.

– Пей.

Она подчинилась. Какая дрянь! Горькая и вонючая.

– Сколько пальцев?

– Два.

– А теперь?

– Три. Вы держите меня за сумасшедшую?

– А теперь?

– Два сжатых кулака. Кто вы такой?

– А вы кто такая?

– Я? Д-диана Ш-шевчук. Я тут не причем.

Образина уплыла куда-то вверх. Из точки, куда она уплыла, польшалось ржание. Так смеются самцы.

– Она в порядке, кэп.

– Я рад, док. Займись ребятами из абордажной команды. И позови-ка сюда Жака и Мака с ящиком.

Дина приподнялась на локтях, потом села. У нее перестала кружиться голова. Оказывается, ей даже удалось блевать

мимо одежды.

Та же капитанская рубка. Кэп Раскин. Штурман Добс – человек, внешность которого бескомпромиссно выдавала двухрежимный характер функционирования личности: запой/постзапой. Два шкафообразных монстра вносят контейнер с бионом. О!

Тут она, наконец-то окончательно включилась.

Раскин отвинчивает крышку кераморфового футляра.

– Мы спаслись? У нас... все в порядке?

– Абсолютно. – отвечает Добс, обнажая в улыбке две кроличьих лопаты.

– Да, – не прекращая возни с крышкой, вторит Раскин, – если не считать отсутствия твоего... пароля, внештатной дыры в заднице от излучателя «Марии Спиридоновой», сотрясения мозга у Бака и пары тому подобных мелочей, то все как в раю.

– Ушли, значит... – вяло констатировала Диана. – Кстати, лучше не открывать. Гадость еще та.

– Я не слабонервный, – ответил Раскин.

Наконец он откинул крышку. Секунду или две смотрел на содержимое контейнера и закрыл его. Процесс отвинчивания обернулся своей противоположностью, причем интенсивность действий капитана резко возросла. Добс накрепко запер рот ладонью.

– Убедились, мистер Раскин?

– Фу. Больше всего похоже на потрошенный труп. Кишки,

легкие, сосуды, разъемы, провода, стекляшки, железяки, все в перемешку... жидкость бурая... но не кровь. Не кровь?

– Нет, мистер Раскин, не кровь. Простите, у биоэлектроники высокого статуса нутро всегда выглядит непрезентабельно.

Сладкая, сладкая Милли! Если бы ты знала, как близко сейчас твой цветочек от самого большого куша в жизни. Помнишь, как мы перебирали разные способы сделать меня богатой с моим-то нищенским жалованием мастер-оператора. И тогда я бы переехала к тебе, на Нью-Скотленд, и мы были бы счастливы... Впрочем, мы еще будем счастливы. Помнишь, я готова была даже торговать собой, но ты мне сказала: «Панель еще ни одну женщину не делала состоятельной». Помнишь? Всего три месяца назад... В конце концов, Милли сказала: «Знаешь, если ты возишься с бионами, так и продай бион...» – «Как это?» – «Нью-Скотленд – столица Ойкумены по части электроники. Может, там кого-нибудь заинтересует ваш бион...» – «Но это же... это же... предательство», – «Дурашка! Не ожидала от тебя. Кто из нас анархистка? Ты или я?» – «Я. Но...» – «Никаких но. Если ты анархистка, то у тебя где-то в глубине души должна быть такая маленькая штучка, такой маленький переключатель, который в нужный момент срабатывает, и ты понимаешь: это – *их* дела, а не твои; это – *их* проблемы; это – *их* законы, а я свободный человек, и никто не смеет стоять у меня на пути». В этом был смысл. Диана поспорила еще чуть-чуть, для

порядка, а потом дала себя уговорить. Милли обещала по-толковать с «серьезными людьми» на предмет инвестиций. Оказалось, желающие есть. «Цветочек! Все устроилось. Тебе придется немного помучиться, конечно... Побудешь в роли консультанта по бионам у людей криминального склада. Так о них *говорят*, но по сути своей они настоящие джентльмены... и потом, с ними есть твердая договоренность. Зато в финале – сто пятьдесят тысяч евроdollаров. Этого, моя милая, *более чем достаточно* для нашего с тобой совместного счастья. Ты довольна?» Правда, потом выяснилось, что Милли не сможет быть рядом с ней, и весь путь до самого конца придется пройти одной. «Пойми, цветочек, у меня работа, и я не вольна...» – «Я понимаю. Ничего!» – «Я буду думать о тебе каждый день, каждую минуту...»

Теперь сто пятьдесят тысяч пребывали в нескольких шагах от нее. И пусть они выглядят как потрошенный труп, зато это – сто пятьдесят тысяч.

– Что особенного в ящике с несвежим мясом? – брезгливо осведомился Раскин.

– Вас интересует, почему бион столько стоит, или как он работает?

– Объясни последнее, и первое станем понятным само собой.

Она задумалась. Вот так шарада: можно, конечно, потребовать и теорию относительности изложить в три фразы... особенно если изложением будет заняться человек, знающий

теорию относительности постольку-поскольку... Некоторые принципы устройства биона стали ей понятны только после года обучения, а некоторые непонятны до сих пор. Диана знала, как обращаться с *этой штукой*, но на роль корифея высокой теории не претендовала никогда. Ладно. Не боги горшки обжигают.

– Биоэлектроника от обычной отличается тем, что роль да/нет реле в ней играют **органоиды** живых клеток. Это не новость. Биоэлектронику разработали давно и успешно ею пользуются. Бион – новая ступень, и он предназначен для решения сверхсложных задач. Перемножать десять на десять он будет примерно столько же, сколько отнимет у него задача об изменении траектории движения астероида, под гравитационным воздействием более крупного тела...

– В чем фокус?

– Вы знаете, мистер Раскин, способ решения любой задачи определяется тем языком, на котором программируется машина. Она как единый электронный организм воспринимает задачу. И какова бы ни была эта задача, на техническом уровне она будет решаться путем разбивания одного большого алгоритма на ряд малых и пропускания этих алгоритмов через однородные цепи. Для биона любая задача выглядит как ряд самостоятельных, не связанных друг с другом логических проблем. Внутри контейнера, – она подошла к агрегату и выразительно постучала по крышке, – есть несколько тысяч *неоднородных*, то есть совершенно раз-

ных органов, или, если хотите, биоузлов, способных наилучшим образом справиться с определенным типом логических проблем. В каждом органе – особое устройство клеток, особый язык программирования, плюс особая тестовая матрица, отторгающая задачи неподходящего типа. Все эти органы – вроде сердца, печени, почек у человека, – строго специализированы. Сверх того, есть ИТЖ – информационно-транспортная жидкость...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.